

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.2/.3:340.132.6

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-125-141>**Криминализация «дропперства»: доктринальные
и технико-юридические проблемы изменений в статье 187
Уголовного кодекса Российской Федерации****М.Г. Жилкин¹**

¹Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

Рузский г.о., пос. Старотеряево Московской области 143100, Российская Федерация

[✉]e-mail: zmax71@mail.ru

Резюме

Актуальность. Изменения, внесённые Федеральным законом от 24 мая 2025 года № 176-ФЗ в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации, направлены на противодействие злоупотреблениям при операциях с электронными средствами платежа. Однако новеллы порождают проблемы правовой определённости, конкуренции норм, риска объективного вменения и дискуссионные положения об освобождении от уголовной ответственности, что делает их анализ своевременным для науки и практики.

Цель – обосновать доктринально выверенную модель уголовно-правового регулирования операций с электронными средствами платежа путём выявления дефектов законодательной техники и несоответствий базовым принципам уголовного права.

Задачи: определить несогласованности терминологии и структуры статьи 187 Уголовного кодекса Российской Федерации с действующим законодательством и системой Особенной части; установить границы соотношения со смежными составами (кража, мошенничество, незаконная банковская деятельность) и с конституционными принципами виновной ответственности; проанализировать целесообразность введённого специального основания освобождения от ответственности для «дропперов».

Методология. Формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы; доктринальный анализ; толкование норм с учётом правовых позиций Конституционного Суда; логико-структурная реконструкция составов и их конкуренции.

Результаты. Выявлены терминологические коллизии между уголовным и финансовым законодательством; подмена института соучастия самостоятельными составами; пробелы разграничения со смежными составами и риск произвольной квалификации; наличие специального примечания об освобождении от ответственности для преступлений небольшой тяжести, дублирующего общую норму статьи 75 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Вывод. Рекомендована гармонизация понятийного аппарата с отраслевыми актами; отказ от криминализации действий, уже охватываемых соучастием; закрепление требований к субъективной стороне деяния; формулирование разграничительных критерии со смежными составами; унификация института освобождения от ответственности. Эти меры обеспечат соблюдение принципа вины, правовой определённости и системности уголовного закона.

Ключевые слова: электронные средства платежа; принцип вины; объективное вменение; соучастие; освобождение от ответственности; законодательная техника.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Жилкин М.Г. Криминализация «дропперства»: доктринальные и технико-юридические проблемы изменений в статье 187 Уголовного кодекса Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 5. С. 125–141. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-125-141>.

Поступила в редакцию 02.09.2025

Принята к публикации 26.09.2025

Опубликована 31.10.2025

The criminalization of "dropper": Doctrinal and legislative-drafting issues in amending article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation

Maxim G. Zhilkin¹✉

¹Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot
Ruza Urban Okrug, Staroteryaev Settlement of Moscow Region 143100, Russian Federation

✉ e-mail: zmax71@mail.ru

Abstract

Relevance. Amendments introduced by Federal Law of 24 June 2025 No. 176-FZ to Article 187 of the Russian Criminal Code target abuses involving electronic means of payment. Yet these novelties generate issues of legal certainty, norm competition, risks of objective liability, and controversial provisions on exemption from criminal liability, which makes their assessment timely for scholarship and practice.

The purpose – to substantiate a doctrinally sound model of criminal-law regulation of operations with electronic means of payment by identifying drafting defects and inconsistencies with foundational principles of criminal law.

Objectives: to determine terminological and structural inconsistencies of Article 187 with the current legal framework and the architecture of the Special Part. To delineate the boundaries of interaction with adjacent offences (theft, fraud, unlawful banking activity) and with constitutional principles of culpability. To assess the expediency of the newly introduced special ground for exemption from liability applicable to "droppers."

Methodology. Formal-legal, systemic and comparative methods; doctrinal analysis; interpretation in light of Constitutional Court positions; logical-structural reconstruction of offence elements and their conflict-of-laws patterns.

Results. The study reveals: terminological collisions between criminal and financial legislation; substitution of complicity by standalone offences, leading to fragmentation of liability; gaps in differentiation from related offences and a heightened risk of arbitrary qualification; the existence of a special exemption clause for minor offences duplicating the general rule of Article 75 of the Criminal Code.

Conclusion. Harmonisation of terminology with sectoral acts is recommended; abandonment of separate criminalisation for acts already covered by complicity; explicit requirements regarding mens rea; clarification criteria vis-à-vis adjacent offences; and unification of exemption from liability provisions. These measures promote adherence to the culpability principle, legal certainty, and systemic coherence of criminal legislation.

Keywords: electronic means of payment; culpability principle; objective liability; complicity; exemption from liability; legislative drafting.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zhilkin M.G. The criminalization of "dropper": doctrinal and legislative-drafting issues in amending article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(5):125–141. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-125-141>.

Received 02.09.2025

Accepted 26.09.2025

Published 31.10.2025

***

Введение

Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ¹ в ст. 187 Уголовного

¹ О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 26, ст. 3698.

кодекса Российской Федерации были внесены существенные изменения, нацеленные на противодействие преступлениям с использованием электронных средств платежа. Новая редакция статьи 187 УК РФ значительно расширила диспозицию за счёт четырёх самостоятельных составов, связанных с передачей, использованием и приобретением

электронных средств платежа (далее – ЭСП) и доступа к ним в корыстных целях. Введены понятия («электронное средство», «электронное средство платежа», «неправомерная операция») и предусмотрено специальное условие освобождения от ответственности для отдельных случаев (чч. 3 и 4 ст. 187 УК РФ) при деятельном содействии раскрытию преступления. Указанные новеллы вызвали дискуссию в доктрине уголовного права, поскольку затрагивают фундаментальные принципы и институты, прежде всего, принцип виновной ответственности, пределы соучастия и разграничение с иными составами преступлений.

Цель настоящей работы – проанализировать данные изменения с позиций законодательной техники и уголовно-правовой доктрины, учитывая правовые позиции Конституционного Суда РФ, а также выявить их соотношение с другими нормами УК РФ и иноотраслевым законодательством. Особое внимание уделяется проблеме объективного вменения – привлечения к уголовной ответственности без установления вины лица – и недопустимости подобного подхода в свете конституционных принципов и традиций отечественного права.

Методология

Проведённое исследование носит комплексный характер и опирается на методологический инструментарий юридической науки, позволяющий достичь поставленной цели – выявить дефекты законодательной техники и противоречия новых частей ст. 187 УК РФ базовым принципам уголовного права. Выбор методов был обусловлен как спецификой предмета анализа (уголовно-правовые нормы), так и необходимостью сопоставления их с положениями смежных отраслей права, и конституционно-правовыми принципами.

Формально-юридический метод позволил исследовать текстуальное содержание Федерального закона от 24 июня

2025 г. № 176-ФЗ и новой редакции ст. 187 УК РФ. В процессе работы были выделены ключевые дефиниции («электронное средство», «электронное средство платежа», «неправомерная операция»), сопоставлены их признаки с уже действующими определениями закона о национальной платёжной системе. Результатом применения метода стало выявление противоречий между уголовно-правовой и финансово-правовой терминологией, а также фиксация дефектов в языковой конструкции диспозиций (громоздкость, двусмысленность, коллизионность).

Системный метод был направлен на выявление места новой ст. 187 УК РФ в структуре Особенной части Кодекса. В рамках данного подхода исследовались горизонтальные связи нормы со смежными составами (ст. 158, 159³, 172, 174¹ УК РФ) и вертикальные – с положениями Общей части (ст. 5, 75 УК РФ). Этот метод позволил показать, что новые части ст. 187 УК РФ фактически воспроизводят институт соучастия, а также создают необоснованное специальное основание освобождения от ответственности, дублирующее общую норму о деятельном раскаянии. Результатом стало доказательство несогласованности ст. 187 УК РФ с системой уголовного законодательства.

Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления отечественной модели регулирования с зарубежными подходами, в частности концепцией strict liability в англо-американском праве и феноменом Polizeirecht в немецкой правовой традиции. Использование данного метода позволило выявить тенденцию сближения российской модели ответственности по ст. 187 УК РФ с конструкциями строгой ответственности, что противоречит национальной доктрине виновности. Результатом стало обоснование опасности отказа от субъективной стороны преступления при квалификации деяний, связанных с «дропперством».

Доктринальный метод заключался в опоре на выводы и концепции ведущих

учёных (С.С. Алексеева, Ю.А. Тихомирова и др.) о качестве законодательной техники и особенностях юридического языка. Он позволил аргументировать, что недостатки формулировок ст. 187 УК РФ подрывают ясность и определённость уголовного закона. Результатом стало теоретическое подтверждение того, что нарушения правил законодательной техники ведут к коллизиям и неопределенности, нарушающим конституционный принцип равенства всех перед законом.

Метод интерпретации с учётом правовых позиций Конституционного Суда РФ обеспечил проверку нововведений на соответствие конституционным стандартам. В частности, анализ отдельных постановлений и определений позволил выявить, что новая редакция ст. 187 УК РФ уклоняется от прямого требования доказанности субъективной вины и тем самым рискует нарушить принцип презумпции невиновности. Результатом стало доказательство конституционной сомнительности норм, вводящих ответственность по факту «неправомерной операции» без установления умысла.

Таким образом, совокупность применённых методов позволила не только описать содержание изменений в ст. 187 УК РФ, но и выявить их внутренние противоречия, определить системные риски для уголовно-правовой доктрины и предложить направления совершенствования законодательства.

Результаты и их обсуждение

Проблемы законодательной техники

Анализ новой редакции ст. 187 УК РФ показывает существенные недостатки законодательной техники. Формулировки новых частей статьи отличаются сложностью и громоздкостью, что затрудняет их понимание и толкование. Например, ч. 6 включает следующую конструкцию: «... осуществление неправомерной операции с использованием электронного средства платежа, совершённое лицом, не являющимся стороной договора об использовании...». Подобные длинные и

осложнённые причастными оборотами предложения трудны для восприятия и толкования. В результате страдает юридическая ясность нормы, что противоречит требованию определённости уголовного закона. Как отмечал С.С. Алексеев, правовая терминология и язык закона должны отвечать требованиям однозначности, строгой определённости, ясности и устойчивости [1, с. 112]. Избыточно сложный язык ст. 187 УК РФ не соответствует этим требованиям и может привести к разному толкованию на практике, подрывая принцип правовой определённости.

Законодатель ввёл специальные определения для новых понятий в примечаниях к ст. 187 УК РФ. Так, примечание 2 к данной статье теперь ограничивает понятие «электронное средство платежа» лишь средствами и способами, эмитированными в соответствии с законодательством Российской Федерации. Данное узкое определение заметно отличается от широкого функционального понимания ЭСП в базовом Федеральном законе от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе¹ (далее – Федеральный закон № 161-ФЗ). В законе о платёжной системе ЭСП определяется как любой инструмент или способ, позволяющий клиенту инициировать перевод денежных средств с использованием информационно-коммуникационных технологий (включая платёжные карты и иные устройства). Иначе говоря, Федеральный закон № 161-ФЗ трактует ЭСП как технологическую категорию, привязанную к функции платежа, независимо от правового статуса средства. В уголовном же законе этому же термину придано иное, юридико-формальное содержание, связанное с наличием договора

¹ О национальной платёжной системе: Федер. закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ: [ред. от 23.05.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 25.06.2025).

с оператором и соблюдением законодательства.

Такая несогласованность понятий нарушает принцип системности законодательства. Один и тот же термин приобретает разное значение в регулятивных нормах и в нормах уголовно-правовых, что деформирует единое правовое поле и создаёт коллизии в правоприменении. По сути, игнорирован принцип бланкетности уголовного закона – уголовно-правовое понятие «электронное средство платежа» оторвано от своего закрепления в специальном законе. Это порождает конфликт интерпретаций между нормами уголовного права и законодательства о платежных системах. Принцип бланкетности, по мнению А.В. Наумова, не исключается принципом правовой определенности, но требует, чтобы степень определенности уголовно-правового запрета достигалась через выявление всей системы взаимосвязей с нормативными предписаниями иных правовых актов [2, с. 6].

Кроме того, возникают сложности в квалификации смежных преступлений: например, непонятно, следует ли расценивать операции с незаконными платёжными средствами (не эмитированными по правилам) как мошенничество по ст. 159³ УК РФ или иное преступление, поскольку формально под новое определение ЭСП они не подпадают. Таким образом, имеет место скрытая правовая лакуна – из сферы действия ст. 187 УК РФ выпадают те случаи оборота электронных средств, которые не оформлены надлежащим договором (т. е. полностью нелегальные или анонимные платежные инструменты). Подобное исключение сужает уголовно-правовую защиту платежного оборота вопреки целям закона. Для устранения коллизий необходима гармонизация терминологии: законодателю следовало бы прямо указать, что термины «электронное средство» и «электронное средство платежа» употребляются в значении, придаваемом им законом о национальной платежной системе.

Здесь уместно вспомнить рекомендации Ю.А. Тихомирова, адресованные «творцам законов»: «В ходе законодательного проектирования важнейшей задачей является установление надлежащих связей между проектируемыми и действующими нормами права. Лица, осуществляющие подготовку законопроекта, должны с самого начала стремиться к тому, чтобы подготовленные ими законодательные новеллы представляли собой органичную часть единого целого законодательной системы, были последовательно согласованы со всеми его компонентами и обеспечивали надлежащую реализацию функций целого» [3, с. 180].

Ещё одной проблемой законодательной техники стало введение специального основания освобождения от ответственности (примечание 4 к ст. 187 УК РФ) для лиц, впервые совершивших преступления, предусмотренные ч. 3 или 4 данной статьи, при условии активного содействия раскрытию преступления.

Устанавливая специальное основание освобождения от уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным использованием электронных средств платежа (ч. 3 и 4 ст. 187 УК РФ), законодатель, по всей видимости, исходил из специфики данной категории дел. В отличие от общего правила (ст. 75 УК РФ) здесь не требуется ни возмещения ущерба, ни деятельного раскаяния в полном смысле – достаточно сотрудничества со следствием, включая помочь в раскрытии других преступлений. Между тем И.Э. Звечаровский полагает, что подобный подход вызывает вопросы с точки зрения системности уголовного права. В частности, он указывает на нелогичность требования утраты общественной опасности при освобождении по ч. 1 ст. 75 УК РФ (преступления небольшой и средней тяжести), тогда как в более тяжких составах это условие отсутствует [4, с. 24].

Данная норма фактически моделирует институт деятельного раскаяния, но применительно к преступлениям не-

большой тяжести (ч. 3 и 4 ст. 187 УК РФ относятся к преступлениям небольшой или средней тяжести, поскольку санкции не превышают 3 лет лишения свободы). Это создаёт явную дисгармонию с системой Общей части УК: согласно ст. 75 УК РФ освобождение от ответственности в связи с деятельным раскаянием и так возможно для преступлений небольшой и средней тяжести.

Примечательно, что специальные условия освобождения, устанавливаемые в нормах Особенной части, традиционно предусматривались законодателем для более тяжких составов преступлений (например, в примечаниях к ст. 126, 205, 206, 210 УК РФ) в целях стимулирования изобличения организованной преступности и предотвращения наступления опасных последствий. В случае же с примечанием к ст. 187 УК РФ мы наблюдаем обратную ситуацию: специальная норма дублирует общее правило ст. 75 УК РФ для ситуации, где в этом нет объективной необходимости.

Как справедливо отмечается в литературе, подобное дублирование оснований освобождения от ответственности подрывает системность уголовного закона и может привести к противоречивой правоприменительной практике по аналогичным составам преступлений [5, с. 104]. Более того, примечание к ст. 187 УК РФ устанавливает менее строгие условия освобождения по сравнению со ст. 75 УК РФ, что создаёт неоправданные преимущества для определённой категории преступников, т. к. для установления оснований освобождения по ст. 187 УК РФ не требуется выполнения условий ст. 75 УК РФ.

Как пишет В.Н. Шиханов, «конкуренция общей и специальной уголовно-правовой нормы... признание ч. 1 ст. 75 УК общей нормой по отношению к примечаниям к статьям Особенной части УК такого "следования" не вызывает» [6, с. 28]. Это подтверждается и правовой позицией Верховного Суда РФ, согласно которой специальная норма применяется

исключительно по своей логике¹. Однако в случае с примечанием к ст. 187 УК РФ данная правовая конструкция теряет свой смысл. Специальная норма здесь дублирует и даже делает более либеральным общее правило для деяний небольшой тяжести, где в этом нет объективной необходимости. Это приводит к дисбалансу и создаёт неоправданные преимущества, подрывая системные начала уголовного закона.

Таким образом, анализируемое законодательное нововведение представляется избыточным с точки зрения техники построения уголовного закона. Вместо создания специальных примечаний по каждому частному случаю, законодателю следовало бы совершенствовать общие нормы о деятельном раскаянии, обеспечивая единообразие правового регулирования.

Подводя итог по вопросам законодательной техники, следует констатировать, что изменения, внесённые в ст. 187 УК РФ, страдают низким качеством нормотворчества. Языковые и структурные недостатки нормы, неустойчивость понятийного аппарата и несоответствие принципу определённости снижают её эффективность. В совокупности эти изъяны идут вразрез с требованиями, предъявляемыми к качеству уголовного закона, которые вытекают из принципа верховенства права и правовой определённости (ст. 19, 54 Конституции РФ). Конституционный Суд РФ неоднократно подчёркивал, что запреты и санкции в законе должны быть сформулированы ясно и недвусмысленно; неопределенность уголовно-правовой нормы недопустима, поскольку влечёт произвольное усмотрение правоприменителя и нарушение принци-

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19: [ред. от 29.11.2016] // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2013. № 8. С. 2–7.

па равенства всех перед законом. К сожалению, рассматриваемые поправки этот стандарт не в полной мере соблюдают.

Подмена института соучастия самостоятельными составами

Наиболее дискуссионным нововведением стала ч. 3 ст. 187 УК РФ, устанавливающая ответственность за передачу банковской карты или доступа к электронному платежному средству другому лицу из корыстной заинтересованности для совершения неправомерных операций. Фактически данная ситуация описывает так называемое «дропперство» – предоставление реквизитов своего банковского счёта или платёжной карты третьим лицам для обналичивания средств, полученных преступным путём, за материальное вознаграждение. Как отмечают Д.А. Бадиков и К.А. Елисеева, «дроп» представляет собой лицо, которое использует принадлежащий ему банковский счёт (банковскую карту) с целью вывода денежных средств, полученных в результате мошеннических действий. Функционал такого участника преступной цепи включает обналичивание поступивших средств через банкоматы, их перевод на другие счета или конвертацию в криптовалюту. Деятельность дропов, как правило, координируется «дроповодом» – лицом, осуществляющим контроль над их действиями, определяющим места и способы обналичивания, а также разрабатывающим инструкции по реализации преступной схемы. Уголовно-правовая квалификация роли каждого из соучастников зависит от содержания умысла и выполняемых функций: дроп может быть признан пособником, в то время как дроповод – организатором, подстрекателем или даже исполнителем преступления [7, с. 119].

Действительно, по своей сути такие действия представляют собой пособничество преступлению (как правило, хищению), т. е. умышленное содействие его совершению путём предоставления средств или орудий совершения преступ-

ления. Однако Уголовный кодекс уже содержит институт соучастия (ст. 33 УК РФ), согласно которому лицо, содействующее совершению преступления советами, предоставлением средств или устраниением препятствий, признаётся пособником и подлежит ответственности по той же статье, что и основной исполнитель. Введение самостоятельного состава за такое пособничество создает риск необоснованного дробления единого преступления на два – основное (например, кража или мошенничество) и дополнительное (передача ЭСП). Это противоречит принципам экономии репрессии и справедливости наказания: за посягательство на один объект (собственность) фактически устанавливается двойная ответственность – для исполнителя и для лица, технически ему пособничавшего, но без квалификации по правилам соучастия.

Доктрина уголовного права традиционно критикует создание «избыточных» составов, дублирующих соучастие, поскольку это размывает границы института соучастия и нарушает системность Особенной части УК. По мнению М.Л. Прокоровой, такой законодательный подход является тупиковым путём развития уголовного права [8, с. 42]. Более того, подобный шаг противоречит позиции законодателя, обычно избегающего прямого наказания пособников «отдельной статьёй» (исключения делаются лишь для отдельных посткриминальных форм причастности, например, за заведомо не обещанное укрывательство – ст. 316 УК). В данном же случае законодатель создал своего рода суррогатный состав, предназначенный специально для «дропперов», хотя мог использовать возможности существующих норм о соучастии в преступлении.

Таким образом, криминализация «дропперства» через введение самостоятельного состава в ч. 3 ст. 187 УК РФ фактически подменила институт соучастия, дублировав его диспозицию и нарушив системность Особенной части. Такая техника не только ведёт к искус-

ственному дроблению единого преступления и двойной ответственности за посягательство на один объект, но и противоречит принципу экономии уголовной репрессии. Более согласованным решением было бы использование существующих механизмов квалификации пособничества, а не конструирование суррогатного состава.

Проблема прикосновенности и риск объективного вменения

Термином «прикосновенность» в теории обозначают действия, связанные с преступлением, но непосредственно не охватываемые соучастием. Как пишет В.А. Якушин: «...в уголовном праве России имеются следующие формы прикосновенности (вторичной преступности): несообщение о преступлении (недонесение), попустительство, заранее не обещанное укрывательство, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путём, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами, преступным путём, публичное оправдание преступлений и лиц их совершивших и др.)» [9, с. 204]. Эти деяния уголовно наказуемы лишь при наличии специальных норм. Как отмечает В.А. Очередько, «уголовная ответственность прикосновенного лица, в отличие от соучастника в преступлении, с точки зрения основания ее возникновения имеет самостоятельный характер, что находит отражение в квалификации прикосновенного деяния» [10, с. 37].

Передача своей банковской карты третьему лицу без осознания его преступных намерений теоретически могла бы рассматриваться как форма прикосновенности (если, например, карта используется затем для мошенничества). Ранее такое поведение не влекло уголовной ответственности, поскольку не подходило под признаки соучастия (нет умысла на содействие преступлению) и не было прямо криминализовано. Однако, как полагает А.М. Ахатова, автоматическое

привлечение так называемого «дропа» к уголовной ответственности в качестве пособника преступления (до изменения ст. 187 УК РФ) является ошибочным. Ученый полагает, что центральным элементом для правильной правовой оценки выступает субъективное отношение виновного к своим действиям. В случае, если лицо не осознавало и не могло осознавать их преступную направленность, его деяние лишается признаков соучастия и должно быть переквалифицировано в посредственное причинение (п. «в» ч. 2 ст. 33 УК РФ). Следовательно, уголовная ответственность в такой ситуации должна наступать не за основное преступление, а исходя из пределов его собственной осведомленности и умысла [11, с. 1080].

Теперь же ч. 3 ст. 187 УК РФ устанавливает ответственность даже за передачу ЭСП, если она совершена из корыстной заинтересованности, независимо от того, было ли известно передающему о конкретных противоправных планах получателя. Таким образом, закон во многом формализовал ответственность, сведя её к самому факту передачи платёжного средства за вознаграждение. Умысел «дроппера» при этом направлен на получение выгоды, а не обязательно на участие в конкретном хищении. Это существенный отход от классического требования субъективной связи между пособником и основным деянием.

Данный законодательный подход вступает в очевидное противоречие с классической доктриной соучастия, в рамках которой такая двусторонняя субъективная связь и взаимопонимание с исполнителем конкретного преступления, как правило, отсутствуют, что исключает возможность квалификации его действий по правилам о соучастии в традиционном смысле.

В частности, в тех случаях, когда исполнитель сознательно пользуется помощью пособника для совершения дополнительного или более тяжкого преступления, не посвящая пособника в свои

планы, соучастие в этом преступном деянии отсутствует, ведь таковое невозмож но при односторонней субъективной связи (по крайней мере в рамках воплощенной в действующем УК РФ концепции соучастия). В науке уголовного права обоснованно указывается, что ключевым критерием совместности является наличие двусторонней субъективной связи, при которой все соучастники осознают общественную опасность не только своих действий, но и действий других соучастников, а также предвидят общий преступный результат. Подчеркивается, что «никакая деятельность не может считаться совместной, если в ней участвуют лица, не достигшие друг с другом взаимопонимания с помощью общения» [12, с. 4]. Данная позиция, разделяемая многими исследователями, последовательно отстаивает необходимость взаимной осведомленности соучастников о преступной деятельности друг друга как обязательного условия квалификации содеянного как соучастия.

Возникает ситуация, когда лицо может быть привлечено к ответственности по ч. 3 ст. 187 УК РФ без установления его осведомлённости о преступном характере операций, что, по существу, близко к объективному вменению. Подобная тенденция – наказание за «неправомерную операцию» по факту её совершения, даже если лицо не осознало преступности – крайне опасна с точки зрения принципа вины.

В этой связи возникает вопрос о теоретическом обосновании новой уголовно-правовой модели. Частичный ответ на него может заключаться в развитии идей, высказанных Г.П. Новоселовым, который допускал, что согласованность действий при соучастии «не обязательно должна выражаться в предварительном сговоре и в обсуждении всех деталей» [13, с. 109]. Формализованная ответственность по ст. 187 УК РФ может быть интерпретирована как законодательное закрепление особой формы «обезличенной» согласованности, возникающей не из личного

общения соучастников, а из сознательного включения лица в стандартизованный преступный алгоритм. Осознание «дроппером» общего преступного характера своей деятельности и его корыстная мотивация в данном случае и заменяют собой классическую субъективную связь, формируя тем самым новую, усеченную конструкцию умышленного соучастия.

Таким образом, ч. 3 ст. 187 УК РФ фактически криминализует прикосновенность, устанавливая ответственность за сам факт передачи платёжного средства из корыстной заинтересованности без установления субъективной связи с основным преступлением. Такая формализация ответственности размывает границы соучастия и приближает её к объективному вменению, что создаёт серьёзный риск отхода от классического принципа виновности в уголовном праве.

Принцип вины и конституционно-правовые гарантии

Одним из краеугольных начал отечественного уголовного права является положение о том, что вина – необходимое условие уголовной ответственности. Это прямо закреплено в ст. 5 УК РФ: «Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия и наступившие последствия, в отношении которых установлена его вина»; далее кодекс категорично гласит: «Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается». Данная норма выражает конституционные требования, вытекающие из ст. 49 (презумпция невиновности) и ст. 54 (недопустимость ответственности за деяние, которое не было совершено виновно) Конституции РФ. Конституционный Суд РФ неоднократно подтверждал обязательность принципа виновности. В постановлении от 27 мая 2003 г. № 9-П Суд указал, что уголовный закон, по-своему конституционно-правовому смыслу, предусматривает ответственность лишь за умышленные деяния, если речь идёт о преступлении с опреде-

лённой целью. В частности, состав преступления предполагает необходимость установить умысел лица на достижение противоправного результата; привлечение к ответственности без доказанного умысла равносильно объективному вменению и противоречит Конституции¹.

Аналогичная позиция подтверждена и в постановлениях более поздних лет. Так, в постановлении от 8 декабря 2017 г. № 39-П Конституционный Суд подчеркнул, что наличие вины – универсальный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, включая уголовное; при этом прямо сослался на недопустимость объективного вменения, сформулированную им ранее². В Определении от 5 марта 2009 г. № 470-О-О Конституционный Суд разъяснял, что нормы уголовного закона, использующие термин «скрытие» (в контексте налоговых преступлений), предполагают установление прямого умысла лица на уклонение от исполнения обязанности; тем самым исключается возможность произвольного привлечения к ответственности за само

по себе невиновное неисполнение обязанности³.

Учитывая изложенное, вызывает серьёзные сомнения положение новой редакции ст. 187 УК РФ, по сути презюмирующее виновность так называемых «дропперов» без необходимости установления их информированности о преступном характере операций. Часть 3 ст. 187 формально требует корыстной цели при передаче ЭСП, но не требует доказательства, что передающий знал о конкретной противоправной операции. Часть 4 (осуществление неправомерных операций по указанию другого лица) аналогично не содержит требования установить цель использования ЭСП для совершения преступления – достаточно факта, что операции не соответствуют законным основаниям. По логике законодателя, сам факт совершения «неправомерной» транзакции по просьбе третьего лица уже преступен. Такая конструкция фактически вводит презумпцию виновности, перекладывая бремя доказывания невиновности на привлекаемое лицо. Это противоречит базовому принципу презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ) и смещает баланс в пользу обвинения. Налицо черты «strict liability» – концепции строгой ответственности, характерной скорее для деликтного права, когда ответственность наступает за объективный факт нарушения, без учёта вины [14, с. 169]. В уголовном праве подобный подход считается неприемлемым именно по конституционным основаниям.

Следует подчеркнуть, что объективное вменение исторически рассматривалось как пережиток догосударственных и полицейских методов борьбы с правона-

¹ По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2003 г. № 9-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 24, ст. 2431.

² По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева: постановление Конституционного Суда РФ от 8 дек. 2017 г. № 39-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 51, ст. 7914.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лашина Владимира Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 470-О-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93707/ (дата обращения: 25.06.2025).

рушениями. В дореволюционном праве существовало понятие «*Polizeirecht*» – «полицейского права» [15, с. 20], под которым понимались административно-карательные меры, применяемые для поддержания общественного порядка, зачастую без установления субъективной виновности. Эта традиция, берущая начало в праве Российской империи, где малозначительные проступки наказывались в административном (внесудебном) порядке исходя из интересов управления и поддержания порядка [16, с. 300], была воспринята и ранним советским правом. Как отмечает С.В. Щепалов, административная ответственность изначально формировалась как «осуществляемое в рамках государственного управления порицание публичной властью лица за неповинование ее внутренней политике» [16, с. 303], где управленческая целесообразность и обеспечение повиновения власти часто превалировали над установлением личной вины нарушителя.

Но подобный подход, игнорирующий необходимость установления субъективного отношения лица к содеянному, противоречит фундаментальным принципам уголовного права. Как справедливо отмечают В.В. Богдан и М.Н. Урда применительно к другой сложной межотраслевой ситуации – конфликту суррогатного материнства и торговли людьми, в условиях смешанной противоправности привлечение к ответственности без установления осознания лицом противоправности своего действия ведёт к объективному вменению и нарушает принципы вины, справедливости и гуманизма [17, с. 648].

Современная уголовно-правовая доктрина России, сформированная ещё в советский период, решительно отвергает подобный подход как противоречащий принципам справедливости и гуманизма. Любая тенденция к возвращению элементов *Polizeirecht*, когда человек наказывается, по сути, как «нарушитель порядка» независимо от его умысла или неосторожности, оценивается негативно.

Криминализация «дропперства» без требования установления факта осознания лицом возможных преступных действий с его ЭПС – это шаг в сторону формализации уголовной ответственности по образцу полицейско-охранительного права, а не классического уголовного права, обращённого к виновному деянию. Как подчеркивает Конституционный Суд РФ в постановлении от 27 февраля 2020 г. № 10-П: «...предусматриваемые за несоблюдение установленных запретов и ограничений меры публично-правовой ответственности должны быть согласованы с конституционными принципами правового государства... включая принципы вины и справедливости»¹. В том же решении Суд однозначно указал, что «привлечение лица к уголовной ответственности за невиновные (в уголовноправовом смысле) действия нарушает принципы законности, вины и справедливости». Эти правовые позиции нашли подтверждение и развитие в материалах «Конституционно-правовой защиты предпринимательства» (одобрено решением КС РФ от 17.12.2020)², где особо отмечается недопустимость объективного вмешательства в уголовном праве.

Таким образом, новая редакция ст. 187 УК РФ фактически ослабляет требование установления умысла на совершение преступления, подменяя его самим фактом совершения «неправомерной

¹ По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменышиной: постановление Конституционного Суда РФ от 27 февр. 2020 г. № 10-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 10, ст. 1415.

² Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов)»: [одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17 дек. 2020 г.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913/ (дата обращения: 25.06.2025).

операции». Это ведёт к презумпции виновности и риску объективного вменения, что противоречит конституционным гарантиям презумпции невиновности и принципу вины. Подобный подход сближает уголовное право с полицейско-охранительной моделью ответственности, тогда как российская доктрина и позиция Конституционного Суда последовательно требуют установления субъективной виновности лица.

Конкуренция с другими уголовно-правовыми нормами

Важным аспектом анализа является конкуренция и коллизия норм, вызванная появлением новых частей ст. 187 УК РФ. Прежде всего изменения затрагивают сферу преступлений против собственности – краж и мошенничества, совершаемых с использованием платёжных инструментов, а также преступлений в сфере экономики (незаконной банковской деятельности).

Так, ст. 159³ УК РФ (мошенничество с использованием ЭСП) предусматривает ответственность за хищение чужого имущества путём обмана или злоупотребления доверием, совершённое с использованием электронных средств платежа. По сути, это мошенничество, где способом является неправомерная безналичная операция (например, кража денег с банковского счёта через чужую карту, фишинг). Теперь же ч. 6 ст. 187 УК РФ устанавливает ответственность за «осуществление неправомерной операции с использованием ЭСП лицом, не являющимся стороной договора...». Таким образом, если лицо, не являющееся владельцем карты (не клиент банка), произвело операцию по списанию денег, налицо пересечение признаков объективной стороны составов двух уголовно-правовых норм: его действие может одновременно подпадать под признаки мошенничества (если использовался обман, скажем, при вводе ложных данных или при подмене идентификатора) и под новый состав ч. 6 ст. 187 УК РФ (как сам

факт неправомерного использования). Законодатель попытался частично разрешить конкуренцию, указав в тексте ч. 4 и 6 ст. 187 УК РФ: «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ», однако про ст. 159³ УК РФ в тексте ничего не сказано. Отсутствие отсылки к ст. 159³ УК РФ создает неопределенность квалификации: будут ли действия лица, незаконно списавшего деньги с чужого счёта, квалифицироваться только как мошенничество либо как преступление, предусмотренное ст. 187 УК РФ, либо по совокупности норм?

В теории конкурирующие составы должны разрешаться в пользу той нормы, которая более полно охватывает содеянное. Мошенничество (ст. 159³ УК РФ) требует доказательства обмана и корыстного умысла на хищение, тогда как ч. 6 ст. 187 формально не требует ни признания хищения, ни обмана – достаточно факта неправомерной операции. В ситуациях, где доказать умысел на хищение трудно, следствие может предпочесть ст. 187 УК РФ как «упрощённый» состав. Это, однако, чревато тем, что наказание окажется мягче, чем за оконченное мошенничество (санкция ч. 6 ст. 187 УК РФ – до 6 лет лишения свободы, тогда как, например, мошенничество в особо крупном размере – ч. 4 ст. 159³ УК РФ – до 10 лет). Возможны и обратные случаи – двойная квалификация, когда действия лица будут неверно расценены как два разных преступления, хотя, по сути, является одно хищение. Всё это порождает правовую неопределенность. Решение видится либо в чётких разъяснениях Пленума Верховного Суда по разграничению этих составов, либо в корректировке закона (например, введение в текст ст. 187 оговорки и о мошенничестве, аналогично сделанной про ст. 172 УК РФ).

Если неправомерная операция совершается без обмана (скажем, лицо воспользовалось найденной чужой банковской картой и сняло деньги в банкомате, введя PIN), то это по действующим разъяснениям Верховного Суда РФ квалифи-

цируется как кража, а не как мошенничество, поскольку изъятие имущества происходит без взаимодействия с потерпевшим через обман, а путём тайного хищения денежных средств (п. 25.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»; п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и расстрате»). Введение ч. 6 ст. 187 добавляет ещё один потенциальный состав для квалификации таких ситуаций – неправомерное использование ЭСП лицом, не являющимся клиентом. Здесь усматривается та же проблема конкуренции: тайное хищение денег со счёта с помощью чужой карты – это и кража (ст. 158 УК РФ), и формально новая ч. 6 ст. 187 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ, вероятно, разъяснит, что при наличии хищения предпочтение отдаётся норме о преступлениях против собственности (ст. 158 УК РФ), а норма об операции применяется, если деяние не повлекло хищения (например, транзакция была, но по каким-то причинам деньги не списаны окончательно). Однако без таких разъяснений велика вероятность разнородной практики. Данный аспект также свидетельствует в пользу тезиса о низком качестве законодательной техники поправок: законодателю следовало чётче обозначить место новой ст. 187 УК РФ во взаимосвязи с уже существующими составами имущественных преступлений.

Как мы сказали выше, законодатель предусмотрел в диспозиции ч. 4 и 6 ст. 187 УК РФ оговорку, что они применяются, если отсутствуют признаки преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ. Статья 172 УК РФ устанавливает ответственность за незаконную банковскую деятельность, включая проведение банковских операций без регистрации или лицензии, сопряжённое с извлечением дохода крупного размера. При этом неко-

торые схемы по обналичиванию денежных средств за вознаграждение могут подпадать под незаконную банковскую деятельность (когда лицо систематически, без лицензии оказывает подобные услуги) [18, с. 19]. В таких случаях предпочтение должно отдаваться ст. 172 УК РФ как более тяжкому преступлению против установленного порядка экономической деятельности. Однако ст. 172 УК РФ требует установить крупный ущерб или доход, тогда как новые части ст. 187 УК РФ могут применяться без установления каких-либо последствий. Оговорка в тексте призвана предотвратить двойное привлечение – и по ст. 172, и по ст. 187 УК РФ одновременно. Тем не менее коллизий не избежать. Например, лицо без лицензии регулярно занимается передачей и использованием чужих ЭСП для «обналички» – здесь усматриваются признаки обоих составов. Придётся разграничивать: когда действия служат лишь эпизодом содействия конкретному преступлению, разумнее квалифицировать по ст. 187 УК РФ; когда же имеется самостоятельная предпринимательская деятельность по обналичиванию денежных средств (банк без лицензии) – по ст. 172 УК РФ. Такие тонкости обычно вырабатываются практикой, но на начальном этапе, вероятно, вызовут сложности.

Конкуренция также возникает в сфере налоговых и финансовых преступлений. Использование «фирм-однодневок» для транзита и обналичивания средств сегодня квалифицируется по ст. 173³, п. «г» ч. 2 ст. 193, п. «в» ч. 2 ст. 193¹ УК РФ, также рассматривается возможность дополнительной квалификации по ст. 172 УК РФ [19, с. 9]. Одновременно операции внутри схем «дробления бизнеса» в ряде случаев квалифицировались по ст. 174¹ УК РФ как легализация доходов, полученных преступным путём [20, с. 123]. При этом базовым составом являлось уклонение от уплаты налогов (ст. 198, 199 УК РФ).

В новой редакции ст. 187 УК РФ (чч. 3–6) появляется возможность квалифицировать такие же действия и как неправомерные операции с электронными средствами платежа. Таким образом, возникает риск тройного вменения: налогового состава (ст. 198 или 199 УК РФ), легализации (ст. 174¹ УК РФ) и неправомерных операций (ст. 187 УК РФ). Подобная ситуация нарушает принцип справедливости и системности уголовного закона, т. к. одно и то же поведение получает избыточное отражение в нескольких составах.

Разграничение здесь должно строиться на следующем:

- если операции направлены исключительно на уклонение от налогов (например, дробление бизнеса для скрытия базы), то квалификация ограничивается ст. 198–199 УК РФ;
- если наряду с налоговыми преступлениями налицо цель придания правомерного вида незаконным доходам, возможна дополнительная квалификация по ст. 174¹ УК РФ;
- применение ст. 187 УК РФ оправдано лишь тогда, когда доказано использование ЭСП именно для неправомерного оборота похищенных или полученных преступным путём средств, а не для внутрихозяйственных переводов в рамках налоговой схемы.

В целом ситуация конкуренции норм подтверждает, что поправки в ст. 187 УК РФ были приняты без должного учёта уже имеющихся составов. Возникла избыточная криминализация, при которой одно и то же деяние может одновременно охватываться несколькими статьями УК РФ – от кражи и мошенничества до налоговых преступлений и легализации. Это подрывает системность уголовного закона и создаёт риски произвольного выбора нормы следствием или судом. Решение проблемы возможно либо путём корректировки закона (например, внесения дополнительных оговорок), либо через детальные разъяснения Пленума Верховно-

го Суда, которые должны установить чёткие правила разграничения составов.

Выводы

Из проведённого анализа следует, что изменения, внесённые Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ в ст. 187 УК РФ, в текущем виде трудно признать удачными и последовательными. Они обнаруживают ряд существенных недостатков и противоречий.

Поправки сопровождаются громоздкими, малопонятными формулировками, нарушающими ясность закона. Введён новый понятийный аппарат (ЭСП, неправомерная операция и т. д.) без надлежащей увязки с уже действующими определениями в смежном законодательстве, что породило терминологическую коллизию между УК РФ и Федеральным законом «О национальной платёжной системе». Кроме того, специальные примечания (например, об освобождении от ответственности) приняты без учёта логики Общей части УК, что снижает согласованность нормативного материала.

Новая редакция ст. 187 УК РФ фактически устанавливает ответственность за деяния, традиционно охватываемые понятием пособничества (передача средств совершения преступления). Тем самым институт соучастия подменяется отдельным составом, что противоречит системности Особенной части УК РФ и принципу экономии репрессии. Ещё более серьезно то, что ответственность становится в зависимость от объективного факта операции, практически без учёта вины (достаточно корыстной заинтересованности без прямого умысла на конкретное преступление). Это создаёт предпосылки для объективного вменения, призванного неконституционным, и приближает уголовно-правовой механизм к логике *strict liability*, свойственной административному «полицейскому» праву, но чуждой уголовному закону РФ.

Анализируемые новеллы перекрывают сферу действия уже существующих ст. 158, 159³ и 172 УК РФ, не предлагая

чёткого разграничения. В результате одно и то же деяние (например, неправомерное списание средств с чужого счёта) может квалифицироваться по-разному в зависимости от усмотрения правопримениеля. Это угрожает единству судебной практики и может привести как к проблемам в ответственности (если разные органы посчитают друг на друга и не применяют ни одну норму), так и к двойному вменению.

В совокупности указанные проблемы свидетельствуют о системной деформации принципов уголовного права в результате введения рассматриваемых по-правок. Вместо точечной и продуманной криминализации конкретных опасных форм поведения законодатель избрал путь создания широкого «размытого» состава, пытающегося охватить все схемы злоупотреблений с платёжными средствами, но ценой потери юридической определённости и отступления от классических доктринальных требований к составу преступления. Подобный путь чреват избыточной криминализацией деяний, которые при более внимательном рассмотрении могли бы быть решены средствами административного или банковского надзора, не доводя до уголовной ответственности лиц при отсутствии прямого преступного умысла.

Для устранения отмеченных недостатков необходима дальнейшая корректировка законодательства. Возможные направления совершенствования включают: приведение понятийного аппарата УК РФ в соответствие с терминологией

финансового законодательства (либо через отсылочные нормы, либо через унификацию определений); отказ от самостоятельной криминализации действий, уже охватываемых институтом соучастия, во избежание дублирования; формулирование составов с обязательным признаком виновности в виде прямого умысла (либо введение механизмов презумпции умысла с доказательством обратного как компромиссного варианта). Кроме того, целесообразно разъяснение Верховным Судом РФ спорных вопросов квалификации по ст. 187 и ст. 158, 159³, 172 УК РФ, чтобы обеспечить предсказуемость правоприменения.

Подводя итог, можно констатировать, что борьба с таким социально опасным явлением, как легализация преступных доходов через чужие счета и карты, безусловно, является необходимой задачей. Однако решать её следует методами, не подрывающими фундаментальные принципы уголовного права. Уголовная ответственность должна основываться на доказанном виновном поведении, соразмерном общественной опасности деяния, и быть вписана в систему существующих норм. В противном случае, как показывает анализ изменений ст. 187 УК РФ, возникает риск, что превентивные цели не будут достигнуты, а права граждан пострадают. Законодательной и правоприменительной практике предстоит учесть изложенные критические замечания для выработки более сбалансированного и конституционно корректного подхода в данной сфере.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
2. Наумов А.В. Законодательные основы реализации в уголовном судопроизводстве принципа определенности уголовно-правовых запретов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 3. С. 5-15.
3. Тихомиров Ю.А. Законодательная техника. М.: Городец, 2000. 272 с.
4. Звечаровский И.Э. О практике освобождения от уголовной ответственности и наказания // Уголовное право. 2023. № 5. С. 20-26.
5. Батюкова В.Е. О некоторых изменениях уголовно-правовой политики в сфере противодействия налоговым преступлениям // Современное право. 2024. № 12. С. 102-106.

6. Шиханов В.Н. Конкуренция общей и специальной уголовно-правовой нормы // *Законность*. 2022. № 3. С. 26-32.
7. Бадиков Д.А., Елисеева К.А. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: к вопросу об уголовно-правовой характеристику // *Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова*. 2024. № 2(99). С. 115-123.
8. Прохорова М.Л., Горенко М.Г. Отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации отдельных положений его Общей части как нарушение системной когерентности: диалог-дискуссия // *Российский следователь*. 2024. № 11. С. 40-45.
9. Якушин В.А. Прикосновенность к преступлению (вторичная преступность) в уголовном праве // *Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева*. 2022. № 2 (101). С. 195-205.
10. Очередько В.А. Квалификационная зависимость прикосновенности к преступлению от предикатного действия // *Российский следователь*. 2020. № 3. С. 36-38.
11. Ахатова А.М. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // *Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право*. 2024. Т. 34, вып. 6. С. 1075-1083.
12. Гюльбанкян А.А. Теоретико-правовые основы законодательной регламентации и уголовно-правовой оценки эксцесса исполнителя // *Российский следователь*. 2023. № 8. С. 19-23.
13. Новоселов Г.П. Понятие соучастия и признак совместности участия // *Российский юридический журнал*. 2012. № 6. С. 103-109.
14. Радов В.В., Севостьянова А.А. Постклассическое измерение юридической ответственности // *Криминалистъ*. 2022. № 2 (39). С. 167-174.
15. Голубева Т.М. К вопросу о сущности административно-правовых режимов государственного контроля (надзора) // *Административное и муниципальное право*. 2025. № 1. С. 18-26.
16. Щепалов С.В. Об истоках административного и судебного усмотрения в российской административно-юрисдикционной деятельности // *Сибирское юридическое обозрение*. 2023. Т. 20, № 3. С. 297-312.
17. Богдан В.В., Урда М.Н. Суррогатное материнство & торговля людьми: межотраслевой конфликт // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2022. № 4. С. 628-657.
18. Лихолетов А.А., Лихолетов Е.А. Проблемы квалификации неправомерного оборота средств платежей // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2024. № 3 (70). С. 15-20.
19. Бальжинимаева В.В. Фирмы-однодневки как средство преступления // *Уголовное право*. 2025. № 7. С. 3-10.
20. Кочои С.М. Уголовно-правовая норма о легализации имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ): инструмент борьбы с преступностью или «дубина» в руках правоприменителя? // *Актуальные проблемы российского права*. 2025. № 6. С. 119-129.

References

1. Alekseev S.S. Law: ABC – theory – philosophy: The experience of comprehensive research. Moscow: Statut; 1999. 712 p. (In Russ.)
2. Naumov A.V. Legislative bases for the implementation of the principle of certainty of criminal law prohibitions in criminal proceedings. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2022;(3):5-15. (In Russ.)
3. Tikhomirov Yu.A. Legislative technique: a scientific and practical guide. Moscow: Gorodets; 2000. 272 p. (In Russ.)
4. Zvecharovskii I.E. On the practice of exemption from criminal liability and punishment. *Ugоловное право = Criminal Law*. 2023;(5):20-26. (In Russ.)
5. Batyukova V.E. On some changes in the criminal law policy in the field of combating tax crimes. *Sovremennoe pravo = Modern law*. 2024;(12):102-106. (In Russ.)
6. Shikhanov V.N. Competition of general and special criminal law norms. *Zakonnost' = Legality*. 2022;(3):26-32. (In Russ.)
7. Badikov D.A., Eliseeva K.A. Fraud using electronic means of payment: on the issue of criminal law characteristics. *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni*

V.V. Luk'yanova = Scientific bulletin of the Orel law institute of the Ministry of internal affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024;(2):115-123. (In Russ.)

8. Prokhorova M.L., Gorenko M.G. Reflection in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation of certain provisions of its General Part as a violation of systemic coherence: dialogue-discussion. *Rossiiskii sledovatel'* = *The Russian investigator*. 2024;(11):40-45. (In Russ.)

9. Yakushin V. A. Involvement in crime (secondary criminality) in criminal law. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva* = *Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga University*. 2022;(2):195-205. (In Russ.)

10. Ochered'ko V.A. The qualification dependence of touching a crime on a predicate act. *Rossiiskii sledovatel'* = *The Russian investigator*. 2020;(3):36-38. (In Russ.)

11. Akhatova A.M. Drop as an accomplice to crimes committed using information and telecommunication networks: problems of criminal law assessment and law enforcement. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo* = *Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law Series*. 2024;34(6):1075-1083. (In Russ.)

12. Gyulbankyan A.A. Theoretical and legal foundations of legislative regulation and criminal law assessment of the excess of the performer. *Rossiiskii sledovatel'* = *Russian investigator*. 2023;(8):19-23. (In Russ.)

13. Novoselov G.P. The concept of complicity and the sign of joint participation. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* = *Russian Law Journal*. 2012;(6):103-109. (In Russ.)

14. Radov V. V., Sevost'yanova A. A. The postclassical dimension of legal responsibility. *Kriminalist* = *Criminalist*. 2022;(2):167-174. (In Russ.)

15. Golubeva T.M. On the issue of the essence of administrative and legal regimes of state control (supervision). *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* = *Administrative and municipal law*. 2025;(1):18-26. (In Russ.)

16. Shchepalov S.V. On the origins of administrative and judicial discretion in Russian administrative and jurisdictional activities. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie* = *Siberian Law Review*. 2023;20(3):297-312. (In Russ.)

17. Bogdan V.V., Urda M.N. Surrogacy & Human trafficking: an intersectoral conflict. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* = *Bulletin of Perm University. Legal sciences*. 2022;(4):628-657. (In Russ.)

18. Likholtov A.A., Likholtov E.A. Problems of qualification of illegal turnover of means of payments. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii* = *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;3(70):15-20. (In Russ.)

19. Bal'zhinimaeva V.V. One-day firms as a means of crime. *Ugolovnoe pravo* = *Criminal law*. 2025;(7):3-10. (In Russ.)

20. Kochoi S.M. The criminal law norm on the legalization of property acquired by a person as a result of committing a crime (Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): a tool for combating crime or a "double" in the hands of a law enforcement officer? *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* = *Actual problems of Russian law*. 2025;(6):119-129. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Жилкин Максим Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, пос. Старотеряево Московской области, Российской Федерации, e-mail: zmax71@mail.ru,
ORCID: 0009-0001-6128-0283

Maxim G. Zhilkin, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Staroteryaevo Settlement of Moscow Region, Russian Federation, e-mail: zmax71@mail.ru,
ORCID: 0009-0001-6128-0283